

Путь русского офицера

А.Г. Шкуро

Записки
**БЕЛОГО
ПАРТИЗАНА**

Путь русского офицера

Андрей Шкуро

Записки белого партизана

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

Шкуро А. Г.

Записки белого партизана / А. Г. Шкуро — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Путь русского офицера)

Андрей Григорьевич Шкуро был из той категории людей, которых Гражданская война сделала знаменитыми и кого по сей день называют авантюристами. Свое призвание автор записок нашел на войне. Он был лихим партизанским командиром уже в годы Первой мировой войны, но греметь его имя стало в годы Гражданской. В эмиграции генерал-лейтенант Шкуро продолжал оставаться непримиримым врагом большевизма, что обусловило его сотрудничество с немцами в годы Второй мировой войны. На страницах книги автор захватывающе рассказывает о своем детстве, учебе, о службе в годы Первой мировой войны и о кровопролитных боях периода Гражданской войны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

© Шкуро А. Г., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А.Г. Шкуро
Записки белого партизана

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2013

Глава 1

Детство. – Кадетские годы. – «Кадетский бунт». – Военное училище. – Первые годы офицерской службы. – Персидский поход. – Угарная жизнь в Екатеринодаре. – Женитьба. – Экспедиция в Нерченский округ. – Мобилизация. – Возвращение в Екатеринодар.

Я родился в городе Екатеринодаре 7 февраля 1886 г. Мой отец, Григорий Федорович, происходил из зажиточных кубанских казаков станицы Пашковской (под Екатеринодаром). Он учился в Ставропольском коммерческом училище. Отец мой принимал участие, в качестве простого казака, в войне 1877–1878 гг.; затем, уже в качестве офицера, в Ахал-Текинской экспедиции 1881 г. и в многочисленных экспедициях в горы против немирных горцев. Он был сильно искалечен; впоследствии дослужился до чина полковника и в этом чине вышел в отставку.

В то время, когда я появился на свет, он был поддесаулом и служил в 1-м Екатеринодарском казачьем полку. Мать моя, Анастасия Андреевна, также уроженка Кубанской области, была дочерью священника. Мое раннее детство протекало в станице Пашковской, где я проводил время в оживленных играх и ожесточенных сражениях с одностаничниками-казаками, доставляя немало огорчений своей матери, не успевавшей чинить мою вечно изорванную одежду. Когда мне минуло 8 лет, меня отдали в станичную школу, а затем, когда я усвоил начала грамоты, отвезли в Екатеринодар, в подготовительный класс Александровского реального училища.

Мне было 10 лет, когда меня с другими казачатами отправили в Москву, в 3-й Московский кадетский корпус, куда я поступил казеннокоштным воспитанником, то есть жил безвыходно в корпусе, на полном казенном иждивении. Кадетские годы были счастливой порой моей жизни; науки мне давались легко, со своими однокашниками жил я дружно, проказы наши были разнообразны и веселы, – вообще жилось хорошо и годы летели быстро. Уже будучи в последних классах, я сдружился со своим одноклассником, сыном капитана Петровского, смотрителя зданий корпуса, и стал по праздникам ходить в отпуск в их семью. Учился я или очень хорошо, или весьма плохо – середины не было; все зависело от того, чем в данное время была занята моя голова. Я обладал чрезвычайной живостью воображения, и, если увлекался какой-нибудь идеей или интересной книжкой, учение шло к черту. Свои досуги мы проводили в саду корпуса, куда приходили барышни, большей частью дочери наших воспитателей и педагогов, за которыми мы усиленно ухаживали.

Нашим воспитателем был, внушавший нам глубокое уважение, суровый по внешности, но гуманный и добрый подполковник Стравинский. Он был олицетворением чувства долга и всеми силами старался передать нам это свое качество. Директором корпуса был в то время генерал Ферсман, которого мы очень не любили, так же, как и ротного командира 1-й роты, полковника Королькова.

Осенью 1905 г., когда я был уже в 7-м классе, произошел так называемый «кадетский бунт», произведший большой переполох в Военном министерстве, где его сочли результатом проникновения революционных идей в военные школы. Общее беспредметное недовольство в обществе, несомненно, бессознательно проникло и в кадетские умы, и мы перешли в оппозицию к начальству, постепенно усиливавшуюся на почве бестактности некоторых педагогов; дело обострилось вопросом о неудовлетворительном качестве подаваемых котлет; началось брожение умов. Я написал обличительные, против начальства, стихи, которые с большим подъемом читал перед однокашниками. 5 октября произошел кадетский бунт. Мы поломали парты и скамейки, побили лампы, разогнали педагогов, разгромили квартиру директора корпуса и бушевали целую ночь. Ввиду слухов, что на усмирение нас вызвана рота Самогитского грена-

дерского полка – что нам очень, с другой стороны, польстило, – мы приготовились к вооруженному отпору, но, к счастью, нас предоставили самим себе. К утру наш дух протеста иссяк за отсутствием дальнейших объектов разрушения. Начались репрессии. Главные виновники – 24 человека – в числе которых был и я, предназначались к исключению из корпуса.

В это время приехал в корпус тогдашний главный начальник Военно-учебных заведений, обожаемый всеми нами, покойный ныне, Великий князь Константин Константинович. Расспросив нас как следует, он, однако, пожелал разобраться лично в переживаниях, доведших нас до столь бурных проявлений протеста. Мы устроили Великому князю чай, сервированный самими кадетами, причем пили его из казенных кружек. Затем чистосердечно рассказали князю, как дошли мы до жизни такой; в результате несколько воспитателей и педагогов были уволены, а кара, грозившая кадетам, смягчена – через месяц после исключения мы были амнистированы и снова приняты в корпус.

Подвергнувшись временному остракизму, я уехал на родину, где был принят весьма сурово моим родителем, обзывавшим меня «бунтарщиком». Эта катастрофа, окончившаяся, впрочем, благополучно, принудила меня, однако, пересмотреть всю линию моего поведения. Моей заветной мечтой было попасть в Николаевское кавалерийское училище; для этого нужно было иметь не менее девяти баллов по наукам и восьми за поведение; мои же успехи, как в том, так и в другом, оценивались значительно ниже. Я принялся с рвением за учение, окончил корпус достаточно успешно и был принят в Николаевское кавалерийское училище, в его казачью сотню.

Начальником «Славной школы» был в то время генерал де Витт, а командиром казачьей сотни – войсковой старшина Пешков, забайкальский казак, совершивший в свое время, в чине сотника, свой знаменитый конский пробег, не сменяя лошади, из Владивостока в Петербург. Это было единственное, что он сделал путного в своей жизни. Сменным офицером был донской казак, есаул гвардии Леонид Иванович Соколов. В сотне, вместе со мной, было много кубанских казаков. С драгунами и особенно с донцами мы жили дружно. Моим лучшим другом был юнкер Заозерский, впоследствии трагически погибший во время автомобильной катастрофы под Москвой, когда он ехал на свою свадьбу.

Я ходил в отпуск к служившему в Главном артиллерийском управлении генералу Скрыбину, который любил окружать себя военной молодежью и которому нравилась наша веселость и жизнерадостность. У него был сын кадет, мальчик лет пятнадцати. Его отсылали обыкновенно спать часов в 9; мы же, юнкера, оставались ужинать и при этом частенько изрядно выпивали, не выходя, однако, из пределов приличия, чтобы не шокировать гостеприимного и любезного хозяина.

Учился я в училище хорошо, хотя по-прежнему отличался некоторой супротивностью начальству. Очень увлекался верховой ездой, в особенности джигитовкой. На старшем курсе я был произведен в портупей-юнкера, но недолго проносил заветные нашивки; выпив как-то раз вместе с друзьями несколько неумеренно, я был замечен в этом дежурным офицером. В результате меня разжаловали из портупей-юнкеров. Любопытно, что записавшим меня дежурным офицером был сотник Складов, доблестно командовавший впоследствии одной из бригад в моем корпусе. В мае 1907 г. состоялось мое производство в офицеры. Вновь производимые юнкера были вызваны в Петергоф, где мы получили приказы о нашем производстве из собственных рук Государя Императора, который произвел на меня тогда обаятельное впечатление. Я был выпущен в 1-й Уманский бригадира Головатова казачий полк своего родного Кубанского казачьего войска, стоявший в крепости Карс. Нужно ли рассказывать, какое гомерическое пьянство устроили мы в Петербурге, вспрыскивая свои новенькие эполеты? Без копейки денег в кармане явился я в Екатеринодар, в отчий дом. Папаша мой, вообще человек достаточно прижимистый насчет монеты, на этот раз расщедрился и экипировал меня в полк на

славу. Кроме хорошего обмундирования и вооружения, я получил пару превосходных коней, сослуживших мне впоследствии большую службу.

В начале августа 1907 г. я отправился в Карс, к своему новому месту служения. 1-й Уманский полк был первоочередным полком; он весьма отличился в недавней еще в то время Японской кампании и считался лучшей и славнейшей частью Кубанского войска. Командиром полка состоял генерал Акулов. Он требовал работы от своих подчиненных, а также постоянной тренировки в поле. Мы, молодые офицеры, чрезвычайно напрактиковались в джигитовке, скачке с препятствиями и рубке с коня; также обращал внимание командир и на развитие военных знаний у офицеров: постоянно читались лекции, доклады, рефераты. Частенько устраивались большие охоты на водившихся в тех краях кабанов. Офицерство жило дружной семьей, традиции товарищества свято хранились в полку.

Однако мне недолго пришлось побыть в полку – вскоре последовал вызов охотников в экспедицию. Должны были быть отправлены в Персию две сводных сотни для борьбы с разбойничьим племенем шахсеван, грабившим караваны и нередко нарушавшим нашу границу между Джульфу и Нахичеванью. Мы вели с шахсеванами мелкую войну, с постоянными стычками, набегами, преследованиями контрабандистов; нужно было быть постоянно начеку, опасаясь засад и всякого рода вероломства. Потери наши, правда, не были особенно велики, но жизнь была больше чем беспокойной. Во время этой экспедиции я заработал свою первую награду – Станислава 3-й степени.

В Персии я пробыл до поздней весны 1908 г., когда состоялся приказ о переводе меня в 1-й Екатеринодарский конный кошевого атамана Захара Чепеги полк, стоявший гарнизоном в Екатеринодаре. После Персидского похода и всех лишений служить в Екатеринодаре показалось мне сплошной масленицей. Служебными обязанностями нас не обременяли. Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали. Несмотря на то что папаша давал мне в дополнение к жалованью ежемесячно 200 рублей, – сумму немалую по тогдашней дешевизне жизни, особенно если принять во внимание, что я жил в родительском доме на всем готовом, – мне вечно не хватало денег и я влез в долги.

Угарная жизнь того времени была прервана весьма поучительными и интересными маневрами в районе Минеральных Вод под руководством нашего командира полка полковника Генерального штаба Ягодкина. Во время этих маневров я хорошо изучил Минераловодский район, что впоследствии, во время Гражданской войны, весьма мне пригодилось. Безобразный период моей екатеринодарской жизни ознаменовался для меня несколькими сидениями на гауптвахте и даже однажды вызовом к Наказному атаману – тогда генералу Бабычу – для отеческого внушения. Я, вероятно, кончил бы достаточно плохо, если б в моей жизни не случилось обстоятельство, действующее обыкновенно отрезвляюще, – я влюбился и женился. Жена моя и мой друг детства, Татьяна Сергеевна, была дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии Сергея Гавриловича Потапова.

После бракосочетания мы предприняли наше свадебное путешествие за границу – в Берлин и в Бельгию на Всемирную выставку. В Германии я хотел изучить производство пустотелых бетонных кирпичей. Дело это я изучил и применил по возвращении на Кубань и даже выстроил себе три дома, но дальше этого дело у меня не пошло вследствие моей неопытности и непрактичности. Брюссельская Всемирная выставка произвела на меня сильное впечатление, но, к сожалению, я не успел ее осмотреть и изучить досконально, ибо она сгорела, причем я принимал самое горячее участие в тщетных попытках тушения ее грандиозного пожара.

По возвращении из свадебного путешествия мы зажили с женой спокойной, чисто буржуазной жизнью. В 1913 г. я должен был быть спущенным на льготу; мне предстояло четыре года числиться во второочередном полку в полной бездеятельности – и в то же время быть привязанным к штаб-квартире полка. Строго говоря, полка и не существовало, был лишь штаб

его. Эта перспектива стеснения свободы и длительного ничегонеделания мне, человеку энергичному и подвижному, казалась невыносимой. Я надумал ехать в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, где Кабинетом Его Величества организовывалась интересная экспедиция для отыскания и нанесения на карту золотоносных месторождений. Я взял отпуск из полка и отправился в Читу, где мне было поручено организовать военную часть намеченной экспедиции. Горячо принялся я за дело, но в это время телеграф принес известие о начавшейся, в связи с австро-сербским конфликтом, мобилизации Русской армии, и я, бросив все, поспешил обратно в Екатеринодар.

Глава 2

Война 1914 года. – Назначение в 3-й Хоперский полк, отправлявшийся на Галицийский фронт. – Бои под Тарнавой, Сенявой и Ивангородом. – Преследование австрийцев на Кельцы и Радом. – Ранение в ногу в декабре 1914 года.

Когда я приехал в Екатеринодар, то не застал своего полка, уже ушедшего на фронт, и был назначен, сверх комплекта, в 3-й Хоперский полк младшим офицером. Полк этот, вошедший в состав 3-го Кавказского армейского корпуса, отправлялся на Галицийский фронт. Корпусом командовал доблестный генерал Ирманов (Ирман) – герой Порт-Артура, командовавший впоследствии, во время Гражданской войны, у меня в корпусе бригадой. Мы поехали по железной дороге до Ивангорода, куда прибыли в начале августа; оттуда мы были направлены к Тарнове, к которой подошли в самый разгар боя.

Без мостков, в чистом поле, выпрыгнули казаки верхом из вагонов. С места, в конном строю, помчались они в конную атаку на немецкую гвардию и австрийскую пехоту. Пролетая карьером, я видел, как наши славные апшеронцы, выскакивая из вагонов со штыками наперевес, в свою очередь бросались в атаку. Мы бешено врубались в неприятельские цепи. Казаки дрались, как черти, нанося страшные удары.

Неприятель не выдержал, побежал. Далее последовала картина разгрома вдребезги. Мы пустились в преследование, забирая массу пленных. Гнали в глубь Галиции до замка графа Потоцкого близ Сенявы. Через реку Сан переправились вплавь на конях. Под Сенявой я, командуя взводом в составе 17 шашек, в разъезде, встретился внезапно с эскадроном гвардейских гусар. Мы заметили их прежде, так как были в лесу, а они в поле; я выскочил на них с гиком, но они, в свою очередь, пошли в атаку. Мы сбили их, взяли в плен двух офицеров, 48 гусар и два исправных пулемета. За это дело я получил заветную «клюкву» – Св. Анну 4-й степени на шашку, с красным темляком.

Во время боев под Ивангородом, где 3-й Кавказский корпус, вместе с гвардией, дрался не на живот, а на смерть, отражая бешеные атаки немцев и неся громадные потери от огня германской тяжелой артиллерии, наш полк, вместе с конями, тоже стоял в окопах. Особенно сильный бой происходил 5 октября; наши части выбивались из сил. Ирманов обходил полк и просил продержаться до утра, когда ожидался подход Гренадерского корпуса. Под утро я вышел на рекогносцировку и обнаружил, что немцы отходят. Велика была наша радость! Если б они атаковали нас еще раз, мы погибли бы, так как grenадеры сильно запоздали. Во время Ивангородских боев наш полк сильно поредел; в числе прочих было убито два сотенных командира – подъесаул Амилахвари и сотник Положецев. Я тоже был контужен в голову и пролежал дней десять в госпитале.

Затем я вступил в командование 5-й сотней и на меня была возложена задача преследовать отступающих австрийцев. Я «висел» на них, не отпуская их ни на минуту. Ночью обстреливал, днем, пользуясь всякой складкой местности, делал засады, бросался в шашки. Оторванные от своих, мы попали наконец в какую-то жуткую свалку, где наши и австрийцы были совершенно перемешаны. Неожиданно мы вышли к окруженной австрийцами 21-й дивизии генерала Мехмандарова и присоединились к ней. Мехмандаров приказал мне постараться войти в связь с нашими войсками.

Внезапной конной атакой я разбил и взял в плен две роты австрийцев, и 21-я дивизия соединилась с одним из наших корпусов, в свою очередь окружавших австрийцев. Началось форменное их избиение. Мне казаки приводили каждый по 200–250 пленных. Мы преследовали врага в направлении на Кельцы, занятые австрийцами, которые, при приближении наших разъездов, бросили город, оставив громадную добычу и значительное количество пленных.

В начале ноября под Радомом я, вместе с донцами, взял много пленных, орудия, пулеметы и получил за это Георгиевское оружие. Весь остаток 1914 г. мы метались по Галиции. В декабре я был ранен ружейной пулей в ногу во время разведки.

Глава 3

Командировка в Луцк. – Возвращение в полк. – Ранение в живот. – Формирование партизанских отрядов. – Представление Государю. – Действие отряда в районе реки Шары. – Постоянные набеги. – Захват штаба германской дивизии.

Я начал прихварывать, ибо сказывалась непрерывная походная жизнь, не дававшая возможности отдохнуть и полечиться от раны и контузий. Ввиду сего командир полка командировал меня в Луцк, где находился конный запас полка и куда поехали к нам пополнения людьми с Кубани. В Луцке я провел февраль и март месяцы. В начале апреля я повел походом в наш полк коней и казаков; по прибытии в полк получил пулеметную команду.

Наша армия отступала с боем по направлению к Брест-Литовску. В июле, в сражении под Таржимехи, когда наш полк шел в пешую атаку, я выскочил со своей пулеметной командой на 500 шагов перед нашей цепью, спешился с коней и открыл сильнейший огонь по немцам; атака наша увенчалась успехом, но я был опять ранен; ружейная пуля ударила в рукоятку кинжала, раздробила ее, пробила мне живот, с одной стороны слегка задела брюшину. Если бы не кинжал, я, конечно, был бы ранен смертельно. Меня эвакуировали в Холм, но через две-три недели я уже снова был на ногах и для дальнейшего лечения отправлен в Екатеринодар. За это дело меня произвели в есаулы.

Возвратившись в полк, я был назначен в полковую канцелярию для приведения в порядок материалов по истории боевой работы полка. Это был период затишья на фронте. В обстановке временного отдыха мне пришла в голову идея сформирования партизанского отряда для работы в тылах неприятеля. Дружественное отношение к нам населения, ненавидевшего немцев, лесистая или болотистая местность, наличие в лице казаков хорошего кадра для всякого рода смелых предприятий – все это в сумме, казалось, давало надежду на успех в партизанской работе. Мой полковой командир, доблестный полковник Труфанов, впоследствии вместе с братом зверски убитый большевиками в г. Майкопе, много помог мне своей опытностью и советами. Организация партизанских отрядов мне рисовалась так: каждый полк дивизии отправляет из своего состава 30–40 храбрейших и опытных казаков, из которых организуется дивизионная Партизанская сотня. Она проникает в тылы противника, разрушает там железные дороги, режет телеграфные и телефонные провода, взрывает мосты, сжигает склады и вообще, по мере сил, уничтожает коммуникации и снабжение противника, возбуждает против него местное население, снабжает его оружием и учит технике партизанских действий, а также поддерживает связь его с нашим командованием.

Высшее начальство одобрило мой проект, и я был вызван в Могилев, в Ставку походного атамана всех казачьих войск – Великого князя Бориса Владимировича. Там я присутствовал при опытах со вновь изобретенной зажигательной жидкостью, которой наполнялись снаряды и пули. При ударе пуля разрывалась, и возникал пожар, не поддававшийся никакому тушению. На одном из опытов присутствовали Государь, Наследник Цесаревич, Великие князья, генерал Алексеев, генерал Богаевский и др. Был дождливый день; изобретатель, господин Братолюбов, демонстрировал свое изобретение. Были приготовлены для опытов кирпичная стенка и деревянный дом. Государь лично выстрелил из винтовки в стенку, которая загорелась; дом также вспыхнул, как свеча. Мне было предложено применить и это изобретение во время партизанских набегов, но я так и не получил никогда этих зажигательных пуль. Говорили, что Братолюбов похитил чужое изобретение, возникли недоразумения и дело затянулось.

По обратном возвращении в полк я был прикомандирован в штаб нашего корпуса и в течение декабря 1915 г. и января 1916 г. формировал партизанскую сотню исключительно из кубанцев. Она получила наименование Кубанского конного отряда особого назначения. В

конце января состоялось первое боевое применение моего отряда. В это время наш корпус стоял на реке Шаре. В зимнюю морозную ночь, в белых балахонах двинулись мы через наши заставы, имея проводниками несколько местных лесников. Было очень темно; мы шли гуськом, ступая на следы друг друга, в мертвой тишине. Шли уже около часу, по цельному снегу, без тропинок. Взошла луна. Проводник доложил, что мы обошли уже первый немецкий пост. Я отрядил 15 человек, которые поползли к немецкому посту. Часовой был снят без звука, а 6 германцев взяты живьем.

От пленных мы узнали, где главная застава состояла из роты пехоты. Решили ее уничтожить. Я разделил свой отряд на две части: одну повел сам, другую – под начальством хорунжего Галушкина. Выждав время, я двинулся медленно по лесу. Вдруг возглас:

– Хальт! Вер да?

Затем залп из нескольких винтовок. Проводники наши прыгнули в кусты, мы же повалились в снег и не отвечали. Пальба вскоре прекратилась. Вдруг слева, куда ушел Галушкин, раздалась частая ружейная стрельба и крики «ура». Видимо, молодой и горячий Галушкин «не выдержал характера». Тогда и мы, но без крика, в кинжалы, на вновь открывший по нас огонь германский пост. Вырезали, без потерь, 30 немцев и скорее вновь на выстрелы. Выходим – лесная поляна, на ней двор лесника, из которого выскакивают немцы и беспорядочно стреляют в разные стороны. Мы с места в штыки и кинжалы. После короткой рукопашной борьбы мы их частью перебили, частью забрали в плен.

С той стороны, где – как мы предполагали – действует Галушкин, появились черные фигуры. Это были отступавшие от него немцы. Мы бросились на них в штыки. Но Галушкин, не зная, где мы, продолжал стрелять в нашу сторону. Мы перебили человек 70 германцев, 30 взяли в плен; в общем, роту прикончили, забрали 2 пулемета, винтовки, много касок. У меня оказалось 2 убитых и 18 раненых. У немцев всюду поднялась тревога. За отсутствием проводников, по компасу и звездам пошли мы обратно, с песнями и добычей, выслав вперед дозоры. Вскоре нашли под кустами наших перепугавшихся проводников, и они снова повели нас. Мы были еще дважды обстреляны немецкими заставами, но с боем, перекатами, ушли от них без новых потерь и на рассвете вышли на берег Шары.

Русские посты, встревоженные ночной пальбой с криками «ура», открыли по нас огонь через речку. Несмотря на наши крики «свои, свои», огонь с русской стороны все усиливался, быстро распространяясь и вниз по реке. В это время наши задние дозоры стали доносить, что сзади на нас наступает около батальона германской пехоты, высланной нас преследовать. Положение становилось тягостным – мы рисковали оказаться между двух огней. Я вызвал охотников доставить донесения через Шару, что это мы и чтобы нас пропустили. Охотники дошли благополучно, огонь прекратился. Со своим отрядом, гуськом, прикрываясь огнем задней заставы, мы перешли на нашу сторону. Немцы решили нас преследовать на нашем берегу Шары. Мы тотчас рассыпались в цепь и отбивались до подхода роты из резерва.

Было уже совсем светло, когда с песнями и, влача пленных, явились мы на бивак. Едва похоронили своих убитых, как приехал корпусной командир, генерал Ирманов. Он горячо благодарил нас и награждал казаков крестами. Я получил благодарность в приказе по корпусу. Тут впервые я встретился с доблестным командиром 206-го пехотного полка полковником Генерального штаба И.П. Романовским, впоследствии начальником штаба Добровольческой армии при генералах Корнилове, Алексееве, Деникине; он недавно принял полк.

Затем началась боевая служба. Каждые двое суток мы выходили ночью в набеги, часто с прибавленными к моему отряду пехотными разведчиками. Мы очень беспокоили немцев, настолько усиливших свою бдительность, что нам приходилось постоянно менять место нашей работы. Мы брали много пленных, частенько приводили их по сотне и больше. Однако основная цель нашей работы – организация партизанской деятельности населения в неприятельских тылах – так и не была достигнута вследствие пассивности и запуганности населения.

Однажды, это было несколько южнее, я задумал смелую операцию – захватить неожиданным набегом высмотренный нами штаб германской дивизии, расположенный в тылу, верстах в 30–35 от нашего фронта. Для этой цели к моему отряду, выросшему уже до двух сотен, были приданы еще две сотни Хоперского полка Кубанского войска. У меня была хорошо налаженная связь с местным населением, и оно перерезало штабные телефонные линии к назначенному мною сроку. Конным пробегом мы дошли до штаба, перерезали германскую охранную роту, взяли в плен весь штаб дивизии во главе с ее начальником и забрали все документы. Это было уж слишком дерзко, и мы поплатились. Немцы нас почти окружили, и мы никак не могли выбраться на нашу сторону. Нарвавшись на германский батальон, попали под сильнейший огонь и понесли большие потери. Часть пленных разбежалась; немецкого генерала, пытавшегося скрыться, казаки зарубили.

Трое суток, преследуемые со всех сторон, бродили мы по лесу без отдыха, замерзшие, голодные и с нескормленными конями. Люди изнервничались и пали духом. К счастью, мы встретили двух крестьян, указавших нам затерянную деревушку, где мы отдохнули и отогрелись. С большими трудностями, на четвертую ночь, выбрались мы наконец на нашу сторону, доставив документы и несколько пленных. За это дело я был представлен к Георгиевскому кресту, но так его и не получил.

Глава 4

Переброска на Брусиловский фронт в Галиции. – Предписание отправиться в Буковину. – Конный поход на Черновицы. – Генералы Кельчевский, Крымов, Врангель. – Работа в Карпатах. – Присоединение к 3-му конному корпусу графа Келлера. – Работа с ним. – Отношение его к отречению Государя.

Ранней весной 3-й Кавказский корпус отправился походным порядком на север, в район Барановичи-Молодечно, где собирался большой кулак из 12 корпусов, долженствовавший совершить прорыв германского фронта. Удар этот не состоялся вследствие совершившегося в это время знаменитого Брусиловского прорыва южного австро-германского фронта; собранные под Молодечно корпуса были постепенно переброшены на развитие достигнутых Брусиловым успехов.

Это был трудный поход в весеннюю распутицу, по невылазной грязи. Пасху мы встречали в одной деревушке Минской губернии. Под Барановичами наша пехота села в окопы. На этом участке фронта происходила правильная позиционная война; тылы противника были плотно населены его резервами, и поэтому партизанская работа не могла иметь тут никакого применения. Мой отряд стали посылать для производства разведок, вследствие чего он нес большие потери в людях, – и притом в каких людях! – в лучших, отборных, искусных партизанах!

Желая спасти свой отряд от конечного и притом непроизводительного истребления, а также полагая, что его боевые качества будут более полезны в другой военной обстановке, я стал проситься на южный фронт, где, как я слышал, происходили конные бои. Ходатайство мое в этом отношении увенчалось успехом; я получил предписание отправиться походом в 9-ю армию, действовавшую в Буковине. Около месяца мы шли, опять конным походом, на Черновицы и сильно заморили коней. По прибытии в район Черновиц, в июле 1916 г., мы отдохнули и поправили лошадей. Там я впервые встретил генерала Кельчевского, в то время начальника штаба 9-й армии, а впоследствии, во время Гражданской войны, начальника штаба Донской армии, находившейся под командованием генерала Сидорина. Девятой армией командовал генерал Лечицкий.

В этот период войны Румыния также приняла в ней участие, и русские и румынские части были расположены вперемежку. Севернее нас действовала Уссурийская конная дивизия славного генерала Крымова, впоследствии участника похода Корнилова на Петроград, и 3-й конный корпус доблестного генерала Келлера, убитого в 1919 г. в Киеве петлюровцами. Корпус этот состоял из дивизий: 1-й Донской, 10-й кавалерийской и 1-й Терской. 1-й Донской дивизией командовал известный военный писатель, впоследствии Донской атаман, генерал Краснов.

Из Черновиц мой отряд был переброшен в район Селетина. Мне были переданы еще три партизанских отряда: один казачий донской («быкадоровцы») подьесаула Быкадорова, уральский казачий подьесаула Абрамова («абрамовцы») и Партизанский отряд 13-й кавалерийской дивизии. Таким образом, теперь под моей командой состояло более 600 шашек. Действовать приходилось пешком в отрогах южных Карпат, причем работа наша координировалась с задачами, возлагавшимися на пехоту. В то время как пехота готовила лобовую атаку, я забирался в тылы неприятельского участка, нарушал коммуникации, производил разгром тылов, а если было возможно, то и атаковал неприятеля с тылу. Горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на вьюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная. Драться приходилось с венграми и баварцами.

При взятии Карлибабы, где мы захватили огромную добычу, я был контужен в голову, причем у меня была разбита щека и поврежден правый глаз. Вскоре после этого мой отряд придали 3-му конному корпусу генерала от кавалерии графа Келлера.

Тут я несколько отвлекусь, дав характеристику генерала Крымова, совместно с которым мне часто приходилось работать. Он, грубый с виду, резкий на словах, разносивший, не выбирая выражений, своих подчиненных, задиравшийся по всякому поводу с начальством, пользовался, несмотря на все это, безграничным уважением и горячей любовью всех подчиненных, от старшего офицера до младшего казака. За ним, по первому его слову – все в огонь и в воду. Это был человек железной воли, неукротимой энергии и неустрашимой личной храбрости. Он быстро разбирался в самой запутанной военной обстановке и принимал смелые, но неизменно удачные решения; хорошо изучил своих подчиненных и умел использовать их боевые качества и даже самые их недостатки. Так, зная склонность казаков держать подле себя коней, дабы в случае неудачи спешно изменить свое местонахождение, Крымов держал коноводов верстах в 50-ти от места боя, благодаря чему его казаки держались в пешем бою крепче самой стойкой пехоты. Зная местность огня, он со своими забайкальцами, природными охотниками, применял такой метод борьбы с наступающим противником: занимал горные вершины отдельными взводами казаков, которые устраивались там по-своему и били на выбор. Никакой огонь артиллерии, никакие атаки баварцев не могли выкурить из горных щелей засевших в них казаков.

Я недолго работал с Крымовым, но вынес много ценных уроков и светлую память об этом доблестном солдате, об этом честном человеке, который не мог мириться с предателем Керенским и пережить позора России. Вечная ему память! Там же, в его дивизии, встретился я впервые с бароном Врангелем, впоследствии Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России в борьбе против большевиков. Однажды, после тяжелого ночного боя, под моросившим мелким дождем, возвращался я на отдых. Высланные заблаговременно квартирьеры донесли, что заняли для нас одинокий охотничий домик. Промокший и усталый, подъезжаю я, слезаю с коня. Вдруг на пороге домика появляется высокая, статная фигура и слышится громкий, властный голос:

– Это что еще за орда прибыла?

Я спросил:

– Кто это говорит?

– Командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, флигель-адъютант Его Величества, полковник барон Врангель, – последовал ответ.

Я представился и назвал себя. Выяснилось, что квартирьеры барона Врангеля заняли помещение раньше моих. Тем не менее Врангель любезно потеснился и пустил нас обогреться и отдохнуть. Я недолго, однако, пользовался его гостеприимством, ибо прискакавший ординарец привез мне новое спешное задание. Кстати, полк барона Врангеля считался лучшим в славной дивизии генерала Крымова.

Однако возвращаюсь к прерванному рассказу. Итак, мой отряд был придан 3-му конному корпусу, и я явился представиться своему новому корпусному командиру. Граф Келлер занимал большой, богато украшенный дом в г. Дорна-Ватра. С некоторым трепетом, понятным каждому военному человеку, ожидал я представления этому знаменитому генералу, считавшемуся лучшим кавалерийским начальником русской армии. Меня ввели к нему. Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами. Граф ласково принял меня, расспросил о быте казаков и обещал удовлетворить все наши нужды.

– Я слышал о славной работе вашего отряда, – сказал он. – Рад видеть вас в числе моих подчиненных и готов во всем и всегда идти вам навстречу, но буду требовать от вас работы с полным напряжением сил.

Об этом, впрочем, граф мог бы и не говорить; все знали, что служба под его командой ни для кого не показалась бы синекурой. Действительно, после двухдневного отдыха на отряд были возложены чрезвычайно тяжелые задачи. За время нашей службы при 3-м конном корпусе я хорошо изучил графа и полюбил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души. Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особенное внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Он знал психологию солдата и казака. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени вежлив и деликатен; со старшими начальниками несколько суховат. С начальством, если он считал себя задетым, шел положительно на ножи. Верхи его поэтому не любили. Неутомимый кавалерист, делавший по 100 верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен.

Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папаше и в чекмене Оренбургского казачьего войска, щеголяя молодцеватой посадкой, казалось, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования. Впоследствии, когда в Петрограде произошла революция, граф Келлер заявил телеграфно в Ставку, что не признает Временного правительства до тех пор, пока не получит от монарха, которому он присягал, уведомление, что тот действительно добровольно отрекся от престола. Близ Кишинева, в апреле 1917 г., были собраны представители от каждой сотни и эскадрона.

– Я получил депешу, – сказал граф Келлер, – об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал царю (цитирую по памяти): «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя».

– Ура, ура! – закричали драгуны, казаки, гусары. – Поддержим все, не дадим в обиду императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, Государя. Вскоре пришел телеграфный ответ за подписью генерала Щербачева – графу Келлеру предписывалось сдать корпус под угрозой объявления бунтовщиком. Келлер сдал корпус генералу Крымову и уехал из армии. В глубокой горести и со слезами провожали мы нашего графа. Офицеры, кавалеристы, казаки – все повесили головы, приуныли, но у всех таилась надежда, что скоро недоразумение объяснится, что мы еще увидим нашего любимого вождя и еще поработаем под славным его командованием. Но судьба решила иначе.

Глава 5

Революция 1917 года. – Начало большевизма. – Последствия приказа № 1 и инцидент в Кишиневе. – Обратный путь на Кубань.

Приказ № 1 и непрерывное митингование, пример которому подавал сам Глава Временного правительства – презренный Керенский, – начали приносить свои плоды: армия и особенно ядро ее – армейская пехота – стали разлагаться неуклонно и стремительно. По улицам Кишинева ходили толпы разнузданных солдат, останавливавших и оскорблявших офицеров. Желая оберечь своих казаков от заразы, мы, офицеры, стали проводить все наши досуги среди них, стараясь привить им критическое отношение к крайним лозунгам, проповедовавшимся неизвестно откуда налетевшими агитаторами, а также внушить необходимость доведения борьбы до победного конца.

Казаки держались крепко, но я чувствовал, что дальнейшее пребывание тут небезопасно, ибо брожение в пехоте приняло такой масштаб, что она производила впечатление совершенно небоеспособной. С другой стороны, отношения между пехотой и казаками, получившими прозвище «контрреволюционеров», приняли столь напряженный характер, что можно было ежеминутно опасаться вспышки вооруженной междоусобицы. Тогда я задумал отправиться со своим отрядом в Персию, в экспедиционный корпус генерала Баратова, слава о действиях которого, гремевшая на Кавказе, докатилась до нас. Офицеры, которых я посвятил в свой план, отнеслись к нему с восторгом, а прослышавшие о нем казаки – с энтузиазмом.

В это время произошел инцидент, положивший конец всяким нашим колебаниям, ибо уход наш из Кишинева стал совершенно необходимым. Однажды я зашел в один из кишиневских ресторанов вместе со своим адъютантом. Едва мы устроились позавтракать, как вломилась банда растерзанных пехотных солдат. Они расположились в ресторане, не снимая головных уборов и поносительно ругаясь площадной бранью. Было ясно, что солдаты вели себя умышленно дерзко, чтобы демонстрировать этим свое пренебрежение к обедавшим тут же офицерам. Я не мог молча смотреть на подобное безобразие. Подойдя к солдатам, потребовал от них, чтобы они вели себя пристойно и сняли головные уборы; они не только не послушались меня, но даже вступили со мной в непозволительно дерзкие пререкания. Я, в свою очередь, пригрозил, для их успокоения, вызвать вооруженную силу. Тогда они, выскочив на улицу, стали созывать толпу, чтобы расправиться со мной. Адъютант, видя, что мне грозит суд Линча, бросился к телефону и передал в отряд о грозившей нам опасности. Тем временем на улице уже собралась громадная, дико горланившая толпа, требовавшая под угрозой разгрома ресторана, чтобы я вышел к ней. Едва я появился в дверях, как они бросились на меня. Я выхватил револьвер, – ближайшие шарахнулись от меня в стороны и уже не решались подходить близко. С ревом и ругательствами толпа требовала, чтобы я отдался в ее распоряжение, так как она намерена тащить меня силой в комендатуру. Я заявил, что живым в их руки не дам, а к коменданту пойду и сам, но чтобы ко мне никто не приближался, если не желает быть застреленным наповал. Выйдя на улицу, я пошел в комендантское управление, держа револьвер в руке и не подпуская никого близко к себе. В бессильной злобе, осыпая меня проклятиями, валила за мной толпа. Вдруг послышался отдаленный, все усиливавшийся конский топот по каменной мостовой; из-за угла выскочил головной разъезд моего отряда, а за ним, полным карьером, вынесся, сотня за сотней, и весь отряд. По сигналу тревоги и узнав о грозившей мне опасности, примчались ко мне на выручку мои верные станичники. Казаки не потратили, видимо, и минуты на сборы – они сидели на неоседланных конях, многие были полуодеты, без папах, даже босиком – но шашки, кинжалы и винтовки были при них. Командир дивизиона, подьесаул Ассьер, подскакал ко мне с рапортом о прибытии.

– Построиться, мерзавцы! – скомандовал я, обращаясь к глумившейся только что надо мной толпе. И вся эта сволочь, в мгновение ока, покорно выстроилась и, руки по швам, стояла навывтяжку. Я приказал казакам стать сзади этой шеренги успокоенных буянов. Затем обратился к солдатам с внушением.

– Вы забыли дисциплину, – сказал я. – Родине нужны воины. Вы же превратились в банду разнузданных хулиганов, годных лишь для того, чтобы митинговать и оскорблять офицеров, виновных только в том, что у них нет ни спереди, ни сзади красного банта. Вот мои казаки, по первому звуку тревожной трубы бросились они исполнить свой долг...

Тут я поблагодарил казаков. Струсившие солдаты стали просить прощения и жаловаться, что их подбивают и сбивают с толку агитаторы.

– Ступайте, – сказал я им. – Лишь полным подчинением дисциплине можете вы поддержать гибнущую Родину, если у вас еще осталась хоть капля совести.

Этот случай переполошил все местные комитеты. На меня полетели телеграммы с жалобами в Питер к самому Керенскому. Нужно было уходить, ибо стало ясно, что вот-вот начнется война между комитетчиками и казаками. Я занял силой кишиневский вокзал, добыл поездной состав и двинулся на Кубань. Нас всюду везли как экстренный поезд. Казаки держали себя безукоризненно.

18 апреля 1917 г. (1 мая нового стиля) мы подъехали к Харцизску. Уже издали была видна громадная, тысяч в 15, митинговавшая толпа. Бесчисленные красные, черные, голубые (еврейские) и желтые (украинские) флаги реяли над нею. Едва наш состав остановился, как появились рабочие делегации, чтобы осведомиться, что это за люди и почему без красных флагов и революционных эмблем.

– Мы едем домой, – отвечали казаки, – нам это ни к чему.

Тогда «сознательные» рабочие стали требовать выдачи командного состава, как контр-революционного, на суд пролетариата. Вахмистр 1-й сотни Назаренко вскочил на пулеметную площадку.

– Вы говорите, – крикнул он, обращаясь к толпе, – что вы боретесь за свободу! Какая же это свобода? Мы не хотим носить ваших красных тряпок, а вы хотите принудить нас к этому. Мы иначе понимаем свободу. Казаки давно свободны.

– Бей его, круши! – заревела толпа и бросилась к эшелону.

– Гей, казаки, к пулеметам! – скомандовал Назаренко.

В момент пулеметчики были на своих местах, но стрелять не понадобилось. Давя и опрокидывая друг друга, оглашая воздух воплями животного ужаса, бросилась толпа врассыпную, и лишь стоны ползавших по платформе ушибленных и валявшихся в изобилии пестрые «олицетворения свободы» свидетельствовали о недавнем «стихийном подъеме чувств сознательного пролетариата».

Глава 6

Возвращение на Кубань. – Отъезд с отрядом в Персию в экспедиционный корпус генерала Баратова. – Столкновение в Энзели. – Путешествие и прибытие в Персию к генералу Баратову. – Военные действия. – Моя поездка делегатом в Екатеринодар, совпавшая с большевистским переворотом. – Заболевание там тифом. – Возвращение обратно. – Производство мое в полковники. – Покушение на меня. – Отъезд инкогнито переодетым.

В начале мая 1917 г. я прибыл со своим отрядом на Кубань, на станцию Кавказскую; там распустил своих людей по домам в двухнедельный отпуск. В двадцатых числах мая, без всяких опозданий, отдохнув и проведав свои семьи, вернулись мои партизаны в отряд, и мы двинулись, двумя эшелонами, по железной дороге на Баку, а оттуда – пароходом на Энзели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.